

Когда я собираюсь убрать веер, кто-то позади окликает меня: «Моя госпожа!»

Я оборачиваюсь. Е Хуа стоит на ступеньках в саду, его глаза скрыты за тенью, падающей от листьев. За дверью, где он стоит, появляется женщина, одетая в костюм прислужницы. В левой руке она держит красивую вазу с цветами, а правой крепко сжимает дверь, окрашенную в красный цвет. Она пристально смотрит на меня, из ее глаз начинают капать слезы.

Моя рука слегка дрожит. Веер переворачивается вверх и делает несколько оборотов, создав легкий порыв ветра на ветвях дерева, и лепестки сыплются вниз.

Она неровной походкой ковыляет ко мне и крепко хватается за меня.

- Моя госпожа, это действительно вы. Най Най ждала вас эти 300 лет. Вы наконец-то вернулись...

Затем она улыбается сквозь слезы и говорит Е Хуа: «Какое сокровище – эта Лампа Сплетения Душ. Хозяйка выглядит так же, как и в прошлом».

Глядя на нее, я вижу, что она принимает меня за кого-то другого. Я отстраняюсь от нее и говорю: «Боюсь, что ты ошибаешься. Я Бай Цянь из Цинцю, а не твоя госпожа, о которой ты говорила».

Она выглядит растерянной, но все еще крепко держится за меня.

Не зная, что еще сделать, я смотрю на Е Хуа, прося помощи.

Он приближается к нам и помогает Най Най, не глядя на нее. Он поднимает свой взгляд вверх на ветви персикового дерева и спокойно говорит: «Это ее светлость Бай Цянь из Королевства Цинцю. Ты не можешь называть ее госпожой, опуская её титул. Отныне тебе следует обращаться к ней «ваша светлость», понимаешь?»

Е Хуа говорит Най Най подготовить вещи для купания и также устроить меня в комфорте, чтобы я могла отдохнуть, пока он сходит во дворец Цин Юнь, чтобы привести А Ли.

Малыш очень соскучился по мне. Как только он видит меня, он выпрыгивает из объятий отца и очаровательно зовёт меня: «Мама, мама». Это наполняет меня счастьем - услышать это слово.

Ваза с цветами падает из рук Най Най, обрушиваясь на пол. Сразу видно, что эта горничная вспомнила о матери маленького колобка. Она, должно быть, не испытывает особой радости, что я получаю всю любовь, будучи мачехой, в то время как настоящая его мать мертва.

Какая преданная служанка.

Е Хуа говорил, что наш мальчуган в той передрыге всего лишь немного испугался, и что ему не было нанесено никакого ущерба. Я внимательно смотрю и вижу, что он все тот же наивный пухлый ребенок с ямочками, когда улыбается, так что теперь я могу перестать беспокоиться.

Он, естественно, хочет тут же прыгнуть в мои объятия, но его отец сдерживает его. После безуспешной борьбы, он выглядит таким жалким, когда все еще не может преодолеть хватку своего отца.

Я поглаживаю его по голове и говорю: «Я сейчас не очень хорошо себя чувствую, так что можешь пока позволить отцу обнять тебя?»

Его круглые глаза моргают, затем лицо начинает краснеть, когда он дуется и тихо говорит: «Я понимаю. У тебя будет ребенок, не так ли?»

Дёрнувшись, я удивленно восклицаю: «Что?»

Он застенчиво теребит свою мантию: «Это то, что написано в книгах. Когда женщина носит маленького ребенка, ее семья не позволяет ей держать другого ребенка, потому что это повлияет на нее... и...»

Он долго думает и, наконец, с убеждением говорит: «Да, на благополучие беременности».

Е Хуа хихикает и спрашивает: «Где ты откопал эти книги?»

Маленький колобок невинно отвечает: «У Чэн Юй».

Най Най спрашивает: «Даже если ее светлость беременна, почему у тебя такое красное лицо?»

Малец расправляет руки и тянется меня поцеловать: «Потому что я счастлив. Если у мамы будет ребенок, я больше не буду единственным ребенком в округе».

Е Хуа небрежно говорит мне: «Может, нам просто завести ребенка после свадьбы?»

«Возможно, в следующей жизни», - отвечаю я со всей серьезностью.

Он выглядит так, будто проглотил мертвую муху.

Сегодня лекция Тайшан Лаоцзюня. Линбао Тяньцзюнь учитель Лаоцзюня, поэтому он ушел, чтобы поддержать его. Осталось только семь бессмертных. Они почтительно говорят мне, что Тянь Цзюнь примет меня, когда вернется. Я достаю ночные жемчужины и дарю их небожительницам. После этого 18 небесных служанок выстраиваются в две линии и ведут нас

к источнику.

Я немного знаю о небесных обычаях. Эти 18 служанок - необходимое число, чтобы проявить уважение к высокому божеству.

- Если ваша жена придет сюда мыться, сколько будет сопровождающих горничных?

Он останавливается и говорит: «Четырнадцать, а что?»

- Ничего. Я просто чувствую, что мой ранг упадет, если я выйду за тебя замуж. В конце концов, эта сделка не в мою пользу.

Он молчит, а затем говорит: «Для жены Небесного Владыки будет 24 служанки, плюс еще четыре, чтоб потереть тебе спинку».

Я громко смеюсь: «Звучит неплохо».

Маленький колобок ликует от восторга и прыгает прямо в воду, как только горничные снимают с него халат. Он не ныряет вниз, а остается на поверхности, разбрызгивая воду повсюду.

Е Хуа поворачивается к служанкам, которые держат на подносе вино и фрукты, и говорит мне: «Это фруктовое вино. Ты можешь позволить А Ли сделать глоток, но не позволяй ему выпить слишком много. Это первые плоды сезона, пусть он съест только половинку каждого».

Я киваю в знак согласия, восхищаясь его внимательной заботой о сыне.

Кажется, он слегка удивлен. На его ледяном лице появляется внезапный намек на улыбку. Он берет веер из моей руки и говорит: «Цветок, нарисованный на твоём веере, довольно красив, но на нём нет ни одного стихотворения. Я добавлю его, пока ты здесь купаешься. Когда закончишь, найдешь меня в кабинете».

Его улыбка доходит до глаз, превращая их в подобие полумесяцев. Пока мое внимание отвлечено, он уходит с моим веером.

Маленький принц перестает брызгать водой и спрашивает меня: «Почему отец ушел? Он не будет купаться с нами?»

Я громко смеюсь: «Небеса даровали твоему отцу кучу обязанностей. Он ушел, чтобы позаботиться о них».

Маленький колобок заканчивает тем, что выпивает слишком много вина.

Е Хуа сказал мне кормить его только половинкой каждого плода. Так что я дала малышу половину каждой бутылки вина. Я не думала, что он опьянеет всего от двух бутылок. Его невинное лицо улыбается мне, и тут он неожиданно падает в воду. Так, кажется, с кого-то хватит вина.

Най Най обеспокоенно говорит: «Его юное Высочество, кажется, много выпил. Почему бы мне не отвести его к врачу?»

Я пью вино более 100 000 лет, и все вина были искусно приготовленным варевом Чжэ Яня. Этот фруктовый ликер - не что иное, как ферментированный сок. Никто не пострадает, даже если выпьет это. Маленький колобок вырубился, вероятно, потому, что он никогда не пил так много раньше, и его терпимость все еще довольно низкая. Я также проверила его пульс, когда он только что заснул. Его сердцебиение было даже более стабильным, чем мое. Если мы отнесем его к врачу просто для отрезвляющего заклинания, мы устроим неразбериху из ничего. Обдумав всё это, я говорю Най Най: «Нет необходимости так трястись над ним. Он в порядке, просто верните его в его покои. Он проснется максимум через три часа».

Две горничные вытаскивают малыша из воды и одевают его, чтобы он смог уйти с Най Най.

Я съедаю несколько кусочков дыни и пью оставшееся от мальчика вино, а потом решаю вздремнуть. Когда я снова открываю глаза, на дворе уже час собаки [1].

Мы жили вместе в Цинцю в течение нескольких месяцев, так что я достаточно хорошо знаю привычки Е Хуа: все - и хорошие, и плохие. Вспоминая прошлое, лучше всего я узнала его примерно в то время, когда мы вместе играли в шахматы. Я предполагаю, что он все еще в своем кабинете. Затем я вспоминаю про свой веер, и думаю, что он может помочь мне отогнать комаров ночью. Вместо того, чтобы спешить обратно к своему дворцу, я направляюсь к его кабинету.

Снаружи нет ни одного стража. Я стучу и не получаю ответа, поэтому сама открываю дверь. Во внешних комнатах тоже никого нет. В светлой комнате оживленно мерцает свет свечей.

Из внутренней комнаты доносятся женские рыдания. Я тут же наостряю уши. Он, должно быть, устал от чтения этого отчета, и если рядом оказалась симпатичная горничная...

Но что, если красивая девушка на самом деле не такая красивая, и она недостаточно хороша для него? Нет, мне не стоит больше вмешиваться в его любовные истории.

Я успела сделать только пол шага назад к двери, когда услышала тихий голос Е Хуа: «Цянь Цянь, входи, если ты уже здесь».

Я шлепаю себя по лбу. Как он мог знать о передвижениях здесь, когда держал в объятиях красавицу?

Тени от множества свечей танцуют на занавесках позади меня. Я не могу ни двинуться дальше, ни отступить. Е Хуа неторопливо говорит: «Я написал стихотворение на твоём веере. Заходи и возьми его».

Ха! Он сам сказал мне войти, так что я не сделала ничего предосудительного. Честно говоря, я хочу увидеть, как выглядит плачущая девушка. Так что, послушавшись Е Хуа, я в возбуждении поднимаю занавески и вхожу.

Я была права.

Во внутренней комнате есть молодая горничная. И даже не одна, на самом деле их там две.

Эти две горничные одеты довольно роскошно. Они обе преклонили колени с поникшей головой. Плечи более молодой из них, той, что слева, слегка дрожат, а слезы на щеках еще не высохли.

Е Хуа сидит за своим столом. Перед ним расстилается большая стопка документов. Рядом с этой кипой стоит цветастая чашка, суп внутри которой все еще испускает пар. Он выглядит слишком спокойным и приличным, чтобы быть на романтическом свидании.

Я извлекаю веер из руки Е Хуа и забываю обо всем остальном: «Это слова, которые ты только что написал?»

У него красивый почерк. Девять символов на веере разбиты на две строки: «Поднимем наши чаши и выпьем за холодный ветер, давай уплывем с тобою вместе». Я боялась, что он напишет что-то вроде: «В это время в прошлом году твои розовые щеки все еще краснели... [2]» Такие строки только заставят меня грустить без причины. Я довольна строками, которые выбрал Е Хуа.

Некоторое время спустя я с любопытством смотрю вверх, осознав, что уже некоторое время стоит абсолютная тишина. Горничная справа смотрит на меня испуганными глазами.

Эта странная пара глаз удивительно красива. Я прожила 140 000 лет и никогда не встречала более красивых глаз. Но сама она не красивее, чем любая из горничных, которых я видела сегодня. Эти ясные мерцающие жемчужины смотрятся несколько странно на ее обычном лице.

Я все еще ношу ленту на глазах. Многие ошибались во мне, так что теперь я привыкла к этому. Я не утруждаю себя объяснением и просто смотрю на нее сверху вниз, прежде чем сделать ей комплимент: «Какие у вас редкие глаза».

Мои слова всего лишь способ поддержать разговор. К тому же, я была искренней, поэтому ожидала, что она будет счастлива услышать их. Но она, отнюдь, далеко не счастлива. Она старается отодвинуться от меня как можно дальше, глядя на меня со сбивающим с толку выражением.

Е Хуа небрежно снимает ленту с моих глаз и помогает мне сесть рядом с ним.

Он подпирает подбородок рукой и холодно говорит: «Принцесса Му Цин, в моём дворце действительно нет подходящей должности для Вас. Пожалуйста, возвращайтесь в Восточное море завтра утром. Су Цзинь, ты самолюбива. Если ты отпустишь Му Цин, тогда я попрошу выдать тебя замуж в Восточное море. Что ты об этом думаешь?»

Особа, стоящая на коленях справа и имеющая неподобающую пару глаз, должно быть и есть наложница Е Хуа, леди Су Цзинь, к которой приставал Юань Чжэн.

Я вздыхаю. Юань Чжэн, Юань Чжэн, ты и сам довольно красив. Было бы лучше любоваться на собственное отражение в зеркале, чем приставать к этой «красотке».

Су Цзинь все еще смотрит мне в глаза. Рядом с ней застыла Му Цин, во взгляде которой сквозь слёзы читается мольба.

Е Хуа, кажется, очень сердит сегодня. Я никогда не видела его таким злым, за исключением того раза, когда мы сражались с Сюань Ню во дворце Да Цзы Мин. Вообще-то, я немного заинтригована. Поэтому я решаю не торопиться с уходом, хотя уже изрядно повеселилась. Я беру со стола чашку чая. Небесам было угодно, чтобы чашка чая, которую я выбрала, обжигаете горячая, поэтому я выбираю место, чтобы сесть и подождать, пока он остынет.

Талант Е Хуа сохранять хладнокровие в то время как другие вызывают проблемы, является довольно удивительным. Мольба несчастной принцессы Му Цин звучит так жалобно, а он спокойно сидит, перебирая свои бумаги.

Наконец-то я поняла суть происходящего. Е Хуа так рассердился из-за принцессы Восточного моря. Она набралась смелости и добавила афродизиак в его суп. Но Е Хуа узнал об этом слишком скоро, и его пламя гнева вспыхнуло раньше, чем пламя желания.

По обычаю, служанка Е Хуа из кабинета разыскала единственную госпожу во дворце. И какая замечательная госпожа эта леди Су Цзинь. Она вообще не разозлилась, когда узнала, что Му Цин хотела соблазнить ее мужа. Вместо этого она даже просила за принцессу.

Большая часть этого представления была закончена к тому времени, когда я пришла, чтобы забрать свой веер. Сейчас осталось время лишь на последние акты увлекательного шоу.

Когда я пытаюсь решить, остаться мне или уйти, Му Цин хватает меня за ноги и всхлипывает.

- Госпожа, в прошлый раз я не знала, что это были вы. Но вы помогли мне однажды, пожалуйста, помогите мне снова.

Я молчу некоторое время и поворачиваюсь к Е Хуа: «Принцесса Му Цин умоляет меня, но я-то

достаточно гордая, чтобы просить тебя взамен. Позволь мне сказать несколько вещей».

Он поднимает лицо от стопки документов и, посмотрев на меня, говорит: «Хорошо».

Я делаю глубокий вдох и говорю: «Принцесса Му Цин не единственная, кто здесь виноват. Ты наверняка знаешь о ее чувствах к тебе и все равно забрал ее сюда. Да, ты хотел дать ей разобраться в своих чувствах, прежде чем отправить ее домой. Но она-то этого не знает, поэтому она тешит себя надеждой, что ее любовь взаимна. Ты был тем, кто посадил это семя в ее сердце, и в то же время желаешь сохранить дистанцию. Так как ты ничего не предпринимал, она вынуждена была действовать сама».

Он холодно смотрит на Му Цин.

- Разве ты не говорила, что будешь счастлива просто быть здесь горничной?

Я качаю головой.

- Как ты можешь верить тому, что говорит влюбленная девушка?

Я постукиваю веером по ладони и говорю Му Цин: «Послушай меня, будет лучше, если ты вернешься в Восточное море». Я делаю паузу, чтобы Му Цин смогла обдумать мои слова.

Е Хуа останавливает меня, прежде чем я смогла добраться до двери. Я наклоняю голову и смотрю на него. Он отпускает мою руку и начинает идти в ногу со мной.

- Уже темнеет. Ты сможешь найти дорогу назад?

Я осматриваю окрестности и говорю: «Вероятно, да».

Он продолжает молчать и, наконец, говорит: «Позволь мне отвести тебя назад».

Свечи в комнате продолжают мерцать за занавесками. Мягкие рыдания раздаются изнутри. Я оцениваю ситуацию и чувствую, что те две коленапреклоненные девы, вероятно, очень устали в этот момент. Если Е Хуа пойдет со мной, они смогут, наконец, передохнуть. Е Хуа также может использовать это время с пользой, чтобы почувствовать себя лучше. Так что если я попрошу Е Хуа проводить меня обратно, это всё равно не убавит его ответственности. Таким образом, я позволила ему вывести меня из комнат и в полной мере насладилась его заботой.

Лунный свет туманной вуалью стелется по небосклону, в воздухе ощущается нежный холодный ветерок.

Е Хуа немногословен на обратном пути. Иногда он говорит: «Там ветка торчит, будь осторожна» или «Впереди камень, подойди ко мне». Что за скука. Так как у меня слабое зрение, я должна постоянно смотреть под ноги и не имею возможности поговорить с ним.

Я и так была сонной. Добавьте к этому, что мне пришлось часто концентрировать внимание на обратном пути, поэтому, когда я добралась до двери поместья Фан Хуа, всё, что я мечтала сделать – это доползти до кровати.

Но когда я прикасаюсь к двери, он берет меня за руку.

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

- Тебе больше не нужно меня провожать. Отсюда я знаю дорогу.

Он смеется: «Даже если бы это поместье было больше, и в сочетании с твоим чувством направления, я уверен, что ты нашла бы путь от ворот до твоей комнаты». Он делает паузу, глядя глубоко в мои глаза.

- Я хочу спросить тебя только об одном. Почему ты сказала принцессе Му Цин вернуться в Восточное море?

Я прикрываю рукой зевок и удивленно отвечаю: «Я думала, ты хочешь отправить ее обратно в Восточное море».

Его глаза становятся печальными, когда он говорит: «Ты хотела отправить ее обратно только потому, что я так сказал?»

В тишине я похлопываю веером по запястью. Судя по его тону, он расстроился. Должна ли я сказать правду и согласно кивнуть, или солгать и покачать головой, или лучше ничего не делать?

Наконец он говорит: «Я не должен был задавать тебе этот вопрос. Когда я затащил тебя в кабинет, я хотел узнать, будешь ты ревновать или нет. Но оказалось, что ты была там только ради шоу».

Мое сердце бьется быстрее. Я думала, он просто попросил меня забрать веер. Не могу поверить, что у него была на то причина.

Он поднимает голову и смотрит на меня. Без всякого выражения, он спокойно продолжает: «В конце концов, в твоём сердце нет для меня места. Бай Цянь, ты хранишь там только одного человека? Сколько еще ты планируешь его ждать?»

Мое сердце колотится, и я понятия не имею, почему.

Когда мы прощаемся, выражение лица Е Хуа по-прежнему неизменно. Я дожидаюсь, когда он уйдет, и возвращаюсь в свою комнату.

Еще пару минут назад мне так хотелось спать, а сейчас сон как рукой сняло. Я не могу понять, что за щемящая боль появилась в моём сердце. Красивое лицо Е Хуа постоянно мелькает перед глазами, пока я, наконец, не погружаюсь в сон.

---

[1] 7-9 часов вечера

[2] Эти строки происходят от классического стихотворения Цуй Ху:

В это время в прошлом году, стоя у порога,

Твое лицо окрасилось в тот же цвет, что и цветы персика.

Но теперь ты ушла, так куда же?

Ведь цветки персика по-прежнему улыбаются в весеннем бризе.

<http://tl.rulate.ru/book/35621/787081>